

Вопрос о выборе «правильной» последовательности возникает и в судебных хрониках: «До решения суда — И. И. Иванов, а после — Иванов И. И.» [<http://www.ljpoisk.ru/archive/8650021.html>]. Ср.: «Журналистам, например, нельзя писать сначала фамилию, а потом имя, потому что такая последовательность используется только в криминальных хрониках» [<https://thequestion.ru/questions/849/pochemu-v-grossii-nazyvaya-kogo-to-pishut-snachala-familiyu>].

Даже по материалам приведенной небольшой выборки чувствуется, что ФИО остается канцеляризмом, но для выбора конкретной именной формулы актуальными становятся другие соображения. Последовательность ИОФ выбирается для номинации живых, «своих», лиц с высоким статусом, несудимых. ФИО больше подходит мертвым, «чужим», низкого статуса, осужденным. Но при этом можно привести примеры применения ФИО в других контекстах.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

DOI 10.31168/7996-2700-3.7

Е. Бартми́нский

Университет им. Марии Кюри-Склодовской
Люблин, Польша
jbartmin@klio.umcs.lublin.pl

Концепт свободы в лексическом поле, понятийной сети и аксиосфере

1. *Свобода* — это нечто большее, чем обычное слово со своим значением, нечто большее, чем понятие в логическом смысле; это культурный концепт с богатыми когнитивными и эмоциональными коннотациями. Понимание всего смыслового содержания такого сложного, многоаспектного концепта требует выхода за узкие рамки структурной лингвистики, а также за рамки понятийного анализа — и обращения к миру идей, следовательно, учета обширного исторического, общественного и культурного контекстов. В докладе мы анализируем смысловые связи концепта «свобода» на трех уровнях — лексическом,

понятийном и идейном, т. е. в семантической системе, тексте и дискурсе.

2. Лексические отношения *свободы* (*wolności*) в лексико-семантическом поле (на парадигматической оси) можно описать, обращаясь к категории гиперонимов (*возможность, состояние, право*), гипонимов (*свобода (swoboda)* ‘личная свобода’, *независимость / суверенность* ‘национальная свобода’), синонимов и антонимов, эндонимов (*панство, народ, человек, гражданин* и др.).

3. Понятийные отношения можно описать на более глубоком уровне, в некоторой степени независимо от лексического выражения (лат. *libertas*, франц. *liberté*, нем. *Freiheit*, рус. *свобода*, польск. *wolność* и т. д.), исследуя фраземы и фразеологизмы, а также текстовую сочетаемость (позицию в «сети слов»). Понятийную сущность концепта можно точно охарактеризовать с помощью филлморовских семантических ролей (субъектов, сфер, границ свободы, свободы как объекта действия и цели стремлений, признаков свободы).

Лексические и понятийные отношения *свободы* остаются в рамках потенции, регулируются самой языковой системой и общественной нормой, а не узусом, т. е. реальной языковой коммуникацией, дискурсивной практикой. Вопрос о том, как функционируют лексема и понятие на уровне дискурса, требует перехода на более высокий уровень описания, на котором языковые и понятийные нормы подчиняются нормам прагматическим, в особенности коммуникативным интенциям и высшим ценностям, которыми обладают участники коммуникации. Этот уровень мы условно называем идейным. Он требует инструментов из сферы критического анализа дискурса.

4. Идейные отношения включают слова и понятия в широкий историко-культурный фон, мировоззрение, общественную систему норм и ценностей. Это открывает обширное поле возможностей. Свобода вводится в различные идейные (даже идеологические) контексты и в конце концов входит в сферу аксиологического выбора. Идейные контексты свободы реализуются в дискурсе в различных вариантах. Диагностическое значение имеют сочинительные фразеологизированные сочетания («коллекции»). Относится к ним, например, определяющая до сих пор канон «левой» идеологии триада *Свобода, равенство, братство* (*Liberté, égalité, fraternité*), которая стала основой для различных лозунгов, имеющих уже иную идеологическую направленность, например *Свобода,*

равенство, независимость — название конспиративной формы деятельности Польской социалистической партии в годы войны (1939–1944); *Свобода, равенство, солидарность* — лозунг рабочих, бастующих в Гданьске в 1980 г.; *Свобода, равенство, толерантность* — лозунг участников «Марша равенства»; *Свобода, равенство, сестринство* — лозунг феминистских организаций. В «Хартии Европейского союза по правам человека» *свобода* включена в один ряд («коллекцию») с *солидарностью* и *безопасностью*. В учении Католического костела *свобода* связана прежде всего с *ответственностью*, в студенческих анкетах — с *демократией* и *справедливостью* и т. д. В западноевропейских языках — немецком, французском и английском — *свобода* относится в первую очередь к человеческой личности, в славянских языках — прежде всего к свободе народа и государства¹.

5. Открываемое или устанавливаемое? В завершение нужно поставить вопрос о том, являются ли сетевые отношения аксиологического типа объективными данными, только открываемыми исследователем, или они, кроме того, им устанавливаются? Мы склоняемся к мысли, что они реконструируются на лексическом и понятийном уровнях, а устанавливаются на уровне ценностей. Обратимся к опыту работы над «Аксиологическим лексиконом славян и их соседей» [LASiS]. Пять концептов, выделенных в ходе заседаний EUROJOS («дом», «Европа», «работа», «свобода» и «достоинство»), не должны были, по замыслу, составлять единый комплекс, планировалось рассматривать их автономно. Однако проф. Хлебда показал — обнаружил! — более глубокие «идеологические» связи между этими концептами. Он обратил внимание на «драматичную актуальность и осязаемую жизненность

---

¹ В [LASiS, 4] свобода связывается со следующими явлениями: в древнеиндийской культуре — со свободным перемещением в пространстве, безопасностью, космической гармонией и под. (*J. Jurewicz*); в древнегреческой культуре — с миром (в оппозиции к войне), Олимпийскими играми, справедливостью, равенством прав, автономией государства и др. (*K. Korus*); в польской культуре — с независимостью народа, солидарностью, личной свободой, достоинством и правами человека (*E. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska*); в русской культуре — со свободой родины и суверенностью государства (*Н. А. Кутина*); в украинской культуре — с гражданскими правами (*Ю. О. Письменная*); в белорусской культуре — с суверенностью государства, гражданскими правами, личной свободой (*Е. Н. Руденко*); в немецкой культуре — с достоинством человека, правовым государством, гражданскими правами, демократией, справедливостью, ответственностью, безопасностью (*J. Janosczyk*); в британской культуре — с правами человека, правовым государством, безопасностью (*A. Gicala*).

выбранных для совместного анализа понятий, с точки зрения так называемого европейского патриотизма», написав:

Почти библейский по своему масштабу исход сотен тысяч людей из Сирии, Ирака и других стран Северной Африки и Ближнего Востока демонстрирует нам, что эта крупнейшая со времен окончания Второй мировой войны миграция населения совершается в пространстве, ограниченном именно этими пятью понятиями. Ведь люди покидают собственный *дом* и отправляются в неизвестное в поисках нового дома. Отправляются, поскольку выгнало их из дома грубое пренебрежение их *свободой*, — и на свободу именно под крышей нового дома рассчитывают. На свободу и *работу* — работу, а не милостыню и не пособие, ведь люди эти не хотят быть на чем-то содержании, а не хотят, поскольку имеют собственное *достоинство*, свою *честь*, нередко демонстрируемую открыто перед камерами европейского телевидения полным укора вопросом: “Разве мы животные, что вы так с нами обращаетесь?”. Этот же вопрос вновь поднимает во всей ее остроте проблему европейских ценностей, т. е. самой сущности пятого из понятий — *Европы* [Chlebda, 2018, 24].

В результате оказывается, что аксиосфера является понятием эластичным, может быть сконструирована извне, по крайней мере в определенном объеме и в определенной степени. Ключевым является обнаружение семантической или прагматической основы для установления связи между концептами и нахождение наррации, подтверждающей включение данного понятия в более широкий понятийный комплекс, в аксиосферу, не столько открытую, сколько заранее определенную. Эта основа может иметь характер не только лингвистический, но также экстралингвистический, ситуативный, прагматический, быть обращенной к истине этической, идейной природы, в лучшем смысле данного термина.

Chlebda W. EUROPA w trzynastu obrazach // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. T. 2 : EUROPA / red. W. Chlebda. Lublin ; Opole, 2018. S. 15–60.

LASiS — Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. T. 1 : DOM / red. J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, B. Żywicka ; T. 2 : EUROPA / red. W. Chlebda ; T. 3 : PRACA / red. J. Bartmiński, M. Brzozowska, S. Niebrzegowska-Bartmińska ; T. 4 : WOLNOŚĆ / red. M. Abramowicz, J. Bartmiński ; T. 5 : HONOR / red. P. Sotirov, D. Ajdaczić. Lublin ; Opole ; Warszawa, 2015–2019.

Пер. с польск. Е. О. Борисовой